

ДАРЬЯ
ИОРДАНСКАЯ

Погасни
свет,
долой
навек

Дарья Алексеевна Иорданская
Погасни свет, долой навек
Серия «Призрачный след:
новый мистический детектив»
Серия «Совокупность теней», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71272672

Погасни свет, долой навек / Дарья Иорданская: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-213391-6

Аннотация

Готический детектив про английского джентльмена, который вместе с язвительным чернокнижником и гувернанткой-медиумом расследует исчезновение собственной жены.

"Старый английский особняк, чужие тайны, покрытые мраком... Отпечаток детской ладони? Тень от камина? Ты можешь не верить, но это уже ничего не изменит..." Олег Яковлев, соавтор романа "Мистер Вечный Канун".

Следы босых ног в гардеробной – вот всё, что осталось после исчезновения Лауры Гамильтон и маленького Джеймса. Лорд Гамильтон уверен: в похищении его жены и наследника виноваты потусторонние силы. За помощью он обращается к младшему брату Демиану, эксцентричному чернокнижнику и гувернантке

сына Элинора Кармайл, которая способна видеть призраков. Но фамильный особняк Гамильтонов и мрачные улицы Лондона хранят слишком много секретов...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дарья Иорданская

Погасни свет, долой навек

*Мы живем на тихом островке невежества
посреди темного моря бесконечности, и нам вовсе не
следует плавать на далекие расстояния.*

Г. Ф. Лавкрафт

Иллюстрация на переплете художницы *Iren Horrors*

Иллюстрации внутри Amarga

© Иорданская Д.А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава первая

Надежда, питавшая Грегори первые несколько дней, истекла. В это утро, туманное и необыкновенно холодное для конца августа, он наконец-то признался себе, что Лаура не вернется.

Еще вчера он ждал, что откроется дверь в кабинет, как обычно с негромким скрипом, и Лаура покажется на пороге: румяная после прогулки на свежем воздухе, в криво сидящей на светлых кудрях шляпке, с кипой листовок в руках. Она впорхнет в комнату, сядет в кресло, старательно сохра-

няя серьезность, и примется рассказывать о новом своем начинании, которое требует усилий, внимания Грегори и, конечно же, денег. И Грегори все это ей даст, пусть и не в равных пропорциях. Лаура всегда полна идей, и он их примет, будь то приют для собак или для падших женщин, или участие в реформе сиротских домов, или же спиритизм, которым она увлеклась совсем недавно. Примет и оплатит, даже не пытаясь понять.

Во все это верилось вчера, но сегодня за утренним кофе Грегори накрыло наконец ощущение катастрофы. Жена бросила его. Бежала, забрав их сына, для того, должно быть, чтобы не участвовать в утомительных тяжбах с немалым риском потерять его. Грегори перебирал в памяти все то, что могло бы послужить причиной столь поспешного бегства, и не находил. Да, между ним и Лаурой не было любви, не было и особого взаимопонимания, а порой казалось – ни следа какой-либо привязанности. Их соединили случай и его глупое мальчишеское желание поступить наперекор матери. Но, несмотря на все это, брак был удачным, и в голову не приходило, что же могло заставить Лауру покинуть дом с одним только небольшим чемоданом. И куда она могла пойти?

Родных у нее не было; о друзьях же она мужу никогда не рассказывала, если не брать в расчет тех светских дам, чьи салоны порой посещала. Куда она, глупышка, могла поехать? Следует ли обратиться в полицию? Днями осторожно, стараясь не привлекать к этой истории

лишнего внимания, Грегори навел справки в округе. Однако ни констебли – их на улицах тихого, недешевого предместья, где селились весьма уважаемые люди, было немало, – ни зеленщики, ни лудильщики, ни няни, которые с колясками прогуливались ежедневно вдоль улицы от церкви до парка, никто из этих людей не видел Лауру. И никто из горничных не мог с уверенностью сказать, когда она ушла. Стоило бы еще расспросить соседей, среди них были и те, кто, мучаясь от безделья, дни напролет проводит в гостинной возле окна. Однако – сплетни. Грегори не желал сплетен, их он старался избегать еще больше, чем пристального внимания полиции, весьма унижительного. К тому же сплетен о его семье и так уже было предостаточно.

В дверь робко постучали, и этот звук заставил Грегори досадливо поморщиться. Он сбил его с мысли, а их и без того сегодня удержать было непросто. Впрочем, думать о полиции было неприятно, как и о сплетнях, которые даже при самом осторожном расследовании расползутся по Лондону. Становиться посмешищем для всего города Грегори не хотелось вне зависимости от того, сбежала ли Лаура одна или с любовником.

– Войдите, – бросил он, складывая газету.

В кабинет прошмыгнула мисс Кармайкл, гувернантка Джеймса, скучная молодая женщина, вся коричневая от мысков практичных, изрядно поношенных ботинок и до аккуратно зачесанных волос. Присев в реверансе, она замер-

ла, сложив руки на животе. Молча. Грегори не часто доводилось слышать голос гувернантки, лишь изредка, проходя мимо классной комнаты, он ловил обрывки читаемых ею уроков. И она никогда не заговаривала первой, даже если ей было что-то нужно, и тем раздражала Грегори. Он предпочитал иметь дело с людьми более решительными и чуть более прямолинейными.

– Я вас слушаю, мисс Кармайкл, – вздохнул он.

Гувернантка потеряла единственное свое украшение – дешевый шатлен с ключами и какими-то дамскими безделушками.

– Простите меня, мистер Гамильтон, – сказала она наконец. – Я не хотела.

– Что вы не хотели, мисс Кармайкл? – устало уточнил Грегори. Досада брала при мысли, что придется сейчас тянуть из нее слова клещами по одному. Хотелось выругаться, но не ровен час мисс Кармайкл, дочка викария, услышав божбу, упадет без чувств.

– Я не хотела заходить в комнату миссис Гамильтон, – тихо отозвалась Элинора. – Но дверь была открыта. И там... Думаю, вам нужно взглянуть на это.

Грегори вскинул брови. Он не мог даже вообразить, что такого увидела в комнате Лауры гувернантка. Таракана? Сам он не мог припомнить ровным счетом ничего интересного, комната как комната. Он лично заказал мебель, светлую и изящную, которая разительно отличалась от обстановки зам-

ка, а Лаура заполнила столики, горки, секреты и полочки множеством искрящихся безделушек. Ее всегда было легко порадовать, стоило только подарить что-нибудь яркое, блестящее и красивое, вроде фарфоровой пастушки или композиции из цветов, раковин и перьев. Со временем в комнате у Лауры скопилась целая коллекция подобного барахла (Грегори отказывался подбирать иные слова), и там, в окружении всей этой «красоты», начинала болеть голова.

– Пожалуйста, мистер Гамильтон, вы должны взглянуть, – повторила гувернантка чуть тверже.

Она умела быть убедительной – это, надо полагать, необходимо при ее профессии – и обычно непоседливый Джеймс всегда ее слушался. Грегори давно уже вышел из нежного возраста, но и на него невольно подействовал тон молодой женщины. С новым вздохом он отложил недочитанную газету и поднялся.

– Идемте.

В доме, несмотря на час, было неприятно тихо. Обычно в разгар дня слышны были шаги, скрип половиц, стук дверей, отдаленные, чуть приглушенные голоса. Сегодня же из-за довлеющей неживой тишины казалось, что в одной из комнат лежит мертвец, чей покой боятся потревожить. Это навевало неожиданно яркие, хотя прошло уже много лет, воспоминания, и во рту появлялась горечь. Особенно ярким это ощущение стало возле комнаты Лауры. Грегори даже почувствовал запах кипариса, давленных рябиновых ягод и свечного

воска, помнится, пропитавший стены замка. Он положил руку на дверную ручку и замер, пораженный внезапным нежеланием открывать.

«Глупости, – отругал себя Грегори. – Это всего лишь комната, безвкусно обставленная женская комната».

И это действительно была всего лишь комната, хорошо ему знакомая, ничуть не изменившаяся. Все было так, как оставила, уходя, Лаура: небольшой беспорядок, брошенная на кресло накидка, шляпная булавка на полу. Лаура всегда была немного неряшлива. Грегори обернулся, готовый обругать бестолковую гувернантку, и наткнулся на спокойный взгляд светло-карих глаз.

– Это в гардеробной, мистер Гамильтон. Вам действительно нужно на это взглянуть.

Досадливо покачав головой, Грегори все же сделал два шага – комната была невелика, Лаура сама настояла на этом – и открыл дверь в гардеробную. Скрипнули петли. В комнатке было темно, и тяжело, сладко пахло духами; от запаха этого немного кружилась голова. Грегори чихнул.

– Лампа, мистер Гамильтон. – Гувернантка чиркнула огнивом, зажгла фитиль и поднесла масляную лампу к дверям. – Взгляните на это. На пол.

Грегори опустил взгляд. Рука, повлажневшая от пота, соскользнула с полированной дверной ручки.

– Дайте мне лампу! – отрывисто приказал Грегори. – И уйдите.

Гувернантка, послушная – вот ее лучшее качество – передала лампу и вышла, негромко шелестя платьем. Спустя минуту ее шаги раздались в коридоре, затем стихли, стих последний звук, остался только суматошный, неестественно громкий стук сердца. Грегори выдохнул и плечом привалился к стене, глядя на пятно на полу.

Оно имело форму человеческого следа, точно пара ног – босых, весьма изящных, с маленькими пальчиками и аккуратной округлой пяткой – стояли рядом, чуть разведя мыски. Жар, источаемый этими ножками, был так велик, что прожег старинный дубовый паркет на дюйм с лишним. Поставив лампу на стопку шляпных коробок, Грегори опустился на одно колено и провел пальцами по краям следа. Тепло все еще ощущалось.

Как давно это здесь?

Лауры нет четыре с половиной дня. Случалось ей отсутствовать и дольше, и не будь с ней сына, Грегори бы не слишком волновался. Жена его, как кошка, всегда возвращалась. В день, когда обнаружилось отсутствие Лауры, он заглянул в спальню, убедился, что пропал только небольшой саквояж, обычно стоявший на столике у окна, и положился на слова горничной, что миссис Гамильтон взяла только пару летних платьев. Все, как она делала обычно, «отправляясь на воды», – привычная отговорка для слуг. Все в доме знали, что нервы миссис Гамильтон нуждаются в постоянном лечении, и об этом, к немалой досаде Грегори, начала судачить

прислуга и в соседних домах.

Что, если этот след был здесь, в гардеробной, еще четыре дня назад?

Грегори поднялся, потушил лампу и вышел стремительным шагом из комнаты. Бетси, личная горничная Лауры, в отсутствие хозяйки дремала в своей комнатке – по соседству. У ног ее стояла корзинка с рукоделием, но, кажется, в вышивке и починке кружева Бетси не продвинулась ни на шаг. Грегори разбудил ее, потормошив за плечо, и горничная испуганно распахнула глаза. Они были огромные, ярко-голубые, и девица не стеснялась пускать это оружие в дело. Грегори, по счастью, был невосприимчив и к прелестям таких простушек, и к лишним соблазнам. Уж точно не в собственном доме. Однако он дал себе зарок, правда уже не в первый раз, что, когда Лаура вернется, он потребует дать Бетси – и паре других горничных, дурочек и сплетниц, – расчет.

Бетси покорно пошла за ним, украдкой шмыгая носом, подобрала по дороге шляпную булавку, разгладила несуществующие складки на покрывале и только потом заглянула в гардеробную.

– Это пятно, оно уже было в день, когда твоя хозяйка ушла? – спросил Грегори, зажигая лампу и поднимая ее повыше.

Бетси, вытягивая шею, изучила пол и кивнула.

– Было, сэр. Должно быть, Сьюзан уронила грелку.

– Грелку? – Грегори посмотрел на отпечаток ног.

— Да, сэр. — Бетси присела в быстром реверансе. — Ночь накануне была холодная, и миссис послала нас за грелкой. Потом я занялась платьями миссис, а Сьюзан... Она такая неловкая, сэр, она вполне могла уронить грелку и испортить паркет.

Грегори рассеянно кивнул, взмахом руки отослал горничную и снова опустился возле пятна на колено. Грелка... Бетси не видела в пятне ничего необычного, хотя нельзя было сказать, будто она начисто лишена воображения. Пожалуй, даже наоборот — девица была склонна выдумывать всякие глупости. Грегори то и дело приходилось выслушивать о стуках на чердаке, призраке, облюбовавшем подвал, или о домовом, ворующем у девушек булавки и иглы. Все это были выдумки, кому, как не Грегори, знать, что домового в доме точно нет. Брауни недолго любили семью Гамильтон, и, несмотря на все старания матери, кажется, так и не удалось завлечь в город ни одного, да и в замке они жили скорее по привычке, не желая менять место. Грегори вновь провел пальцами по краям пятна, по удивительно четкому контуру изящных ступней. Говорят, Дьявол может оставить след своего раздвоенного копыта, но есть в мире вещи и пострашнее. Например, след человеческой ноги там, где его быть не должно.

Грегори запер дверь в гардеробную, затем в спальню, повернув ключ на три оборота, дабы быть уверенным, что больше никакая любопытная гувернантка не сунет свой нос в чужие дела. Затем он спустился в кабинет и написал короткий

текст телеграммы.

Прибегать к помощи матери не хотелось. Хотя прошло уже десять лет, она никак не желала сменять гнев на милость и прощать Грегори за то, что он вмешался. Она ненавидела, когда кто-либо нарушает малейшую деталь в ее планах, а больше всего, как подозревал Грегори, она досадовала, что утратила свою власть. На секунду Грегори прикрыл глаза, припоминая то, что предпочел бы навсегда вытравить из своей памяти. Полированный гроб из кипариса, запах трав, ягод, ладана и свечного воска и неподвижное тело на белом шелке. Много лет прошло с их последней встречи, но Грегори сразу узнал то повзрослевшее непостижимым образом лицо.

Пришлось потрянуть головой, изгоняя видения. Да, мать злится, но, в конце концов, она придет на помощь, ведь речь о ее внуке. И она даст совет, а уж Грегори решит, стоит ли ему следовать.

Остаток дня Грегори провел в клубе, создавая старательно видимость того, что ничего необычного не происходит в его жизни. Его жена не исчезла в очередной раз. Его паркет не испорчен следами огненных ног. Его гувернантка не видит то, что недоступно суеверным горничным. Грегори поужинал – карри в клубе было отвратительное, зато подали сносную телятину с грибным соусом, – сыграл в карты, проиграв пару фунтов, обсудил последние политические сплетни и выпил по стакану бренди в компании командера Корко-

рана. Эти последние двадцать минут были лучшими за весь вечер, потому что отставной командер был, по своему обыкновению, молчалив и спокоен, не разносил сплетни, не лез с непрошеными советами, не проявлял неуместное любопытство. Можно было просто сидеть, смотреть сквозь стакан на пламя в камине – несмотря на август, в клубе всегда было холодно и сыро – и изредка перебрасываться ничего не значащими фразами о погоде, регби и международной политике.

Дома Грегори ждала телеграмма из замка. Миссис Гамильтон три дня тому назад уехала, не оставив ни адреса, ни дня, когда она вернется. Однако, сообщил МакБрайд, управляющий, миссис Гамильтон взяла средний кофр и два портпледа, из чего можно предположить, что вернется она не раньше октября.

Грегори скомкал телеграмму и бросил ее в пепельницу.

Спал он в эту ночь плохо. То и дело что-то мерещилось на грани сна и яви, Грегори просыпался, как от толчка, и начинал прислушиваться. Сквозь неплотно прикрытые ставни доносились обычные звуки города, привычный шум, гул, далекий звон, размеренный голос ночного дежурного, а иногда – свистки. Район был респектабельный, тихий, и потому все эти шумы и голоса шли издалека, из какой-то другой жизни. Чужие были звуки, едва знакомые, но измученное сознание Грегори придавало им иной, зловещий смысл.

Где-то далеко-далеко часы отбили три утра.

Мать придавала этому времени большое значение. «Люди ошибочно полагают, что самое опасное время – полночь, – говорила Катриона Гамильтон. – И как же они неправы. Все самое страшное происходит около трех часов, когда до рассвета остается совсем немного времени. Именно тогда и вершится самое сильное колдовство». Мать знала толк в страшных вещах, и в колдовстве тоже, и как бы ни хотел Грегори спрятаться от своего прошлого, сейчас чары пробрались если не в его дом, то в его сны.

Он поднялся, когда отзвучал долгий, протяжный гул, точно оставленный часами след. С минуту потратил на то, чтобы отыскать под кроватью тапочки. Поймал себя на том, что спускает ноги на ковер с большой неохотой, словно под кроватью может затаиться чудовище. Усмехнулся. Грегори и в детстве не верил, что монстры живут под кроватью, под лестницей или в старом чулане. В детстве он прекрасно знал, где именно они обитают.

Лампу Грегори зажигать не стал, пошел на ощупь, тем более что требовалось сделать не больше дюжины шагов, чтобы оказаться возле комнаты Лауры. Дверь оказалась не заперта, хотя он прекрасно помнил, как трижды повернул ключ в замке. Грегори замешкался на пороге, потом шагнул и, чуть сощурившись, искоса, как учила когда-то мать, оглядел комнату. Все казалось совершенно нормальным, обыденным, в чем-то даже скучным. Еще пара шагов, и Грегори открыл дверь гардеробной. Посмотрел на след. Сейчас, ночью, в са-

мый глухой и страшный час, след вдруг ожил *особенным образом*. Он мерцал. Не требовалось тайных знаний, чтобы понять, что оставил его не человек, и оставил неспроста. Что это? Предупреждение? Угроза? Или же просто некто случайно наступил раскаленными самой преисподней ногами на паркет и прожег его на дюйм?

Грегори не верил в Дьявола и в Ад, но в мире хватало и других существ, способных украсть человека, заморочить, завлечь на темную, опасную дорогу, оставить такой след. Когда Грегори был моложе, ему случалось сталкиваться с подобными созданиями, и он знал в те годы, как следует поступить. Но годы шли, и он старался держаться от опасностей теневого мира подальше. Он покинул замок навсегда, свел к минимуму свои встречи с матерью и приложил немало усилий, чтобы оградить Джеймса, последнего из Гамильтонов, от зловещей родовой тени. Грегори сделал все, чтобы сверхъестественное, колдовское, иномирное не касалось его даже краешком своей тени, и жил в Лондоне простой человеческой жизнью, будто и не было в его роду чернокнижников и ведьм, будто и не привечали в замке темные силы. И вот теперь, когда ему требовалось знание, Грегори обнаружил, что голова пуста, а во рту – горечь. Он не представлял, как поступить.

Друзей, знающих с Тенями и Силами, у Грегори давно уже не было. Он еще в студенческие годы разорвал с ними любые отношения, а в последние десять лет утратил всякие

связи и не сумел бы, пожалуй, разыскать никого из прежних приятелей. Мать исчезла, уехала в неизвестном направлении, и если адреса не знает МакБрайд, то его не узнает никто. Лондонские спиритуалисты, медиумы и маги, объявлениями которых пестрят газеты, все сплошь шарлатаны и лгуны, а их сеансы ничуть не достовернее ярмарочных фокусов.

Оставался только один способ, хоть Грегори и не хотелось к нему прибегать. Он сделал глубокий вдох, надеясь таким образом собраться с мыслями, подошел к окну и распахнул обе створки. В комнату скользнул желтоватый лондонский туман, пахнувший тиной и полный угольной пыли. Три капли крови из проколотого булавкой пальца упали в этот туман, на мгновение окрасив его алым, и пропали.

– Дамиан! – крикнул Грегори в темноту. – Мне нужна твоя помощь! Приди!

Его слова подхватил внезапный порыв ветра и унес прочь, в предрассветную темноту.

Глава вторая

Элино́р привыкла подниматься рано, даже летом – с первыми лучами солнца. Легкий завтрак, чашка чая и кусок хлеба с маслом, и небольшая прогулка помогали ей скоротать время до того момента, когда проснется ее подопечный. На прежнем месте в обязанности Элино́р входило также будить, умывать и одевать детей, пару капризных маленьких чертенят. В доме мистера и миссис Гамильтонов, и это можно было счесть величайшей удачей ее жизни, за этим следила специально приставленная к Джеймсу горничная. Элино́р не

приходилось по утрам и вечерам сражаться с юным мистером Гамильтоном, который отличался большой непоседливостью и упрямством. Иногда бедной Джинни, горничной, требовалось не меньше получаса, чтобы втиснуть мальчика в костюмчик, и, уж конечно, он недолго оставался чистым и аккуратным. Но то была не забота Элиноর. Ее работа началась в девять, когда, позавтракав в детской, Джеймс поднимался в классную комнату и начинались занятия. Мальчика требовалось наилучшим образом подготовить к школе, и Элиноর старалась изо всех сил. Она действительно считала нынешнее свое место работы маленьким раем.

Честно говоря, в сравнении с прежними так оно и было.

Мистер Гамильтон, которым Элиноর не могла не восхищаться укладкой, всегда был неизменно учтив. Был он также и щедр, но Элиноর не на что было тратить деньги, и нечаянные премии она относила в банк, планируя однажды начать копить на... что-нибудь. Мечты ее никогда не простирались слишком далеко. Миссис Гамильтон также была необыкновенно щедра и выгодно отличалась от прежних хозяек. Она настояла в первую же неделю, что оплатит платья Элиноর, хотя так и не было принято, и даже пыталась пару раз отдать что-то из своих вещей. Платьев у миссис Гамильтон было великое множество, светлых, ярких, восхитительных совершенно, но Элиноর неизменно отказывалась. Она оставалась верна своим строгим немарким нарядам и только радовалась, что может себе теперь позволить ткань отличного ка-

чества и тщательно заделанные швы. Новые платья сидели точно по фигуре, нигде не врезались, не натирали, и шерсть не кусала целый день кожу – как было с одеждой, которую приходилось носить в пору работы у прижимистых Эллисонов. Что до невзрачности нарядов, Элино́р всегда старалась знать свое место.

А еще она старалась не лезть в чужие дела, не совать свой нос куда не следует и, уж конечно, не разносить сплетни. Этим она выгодно отличалась от горничных, болтливых и бестолковых, которые сменяли друг друга, недолго задерживаясь на месте. Миссис Гамильтон, при всех ее прочих достоинствах, совершенно не умела выбирать прислугу. Впрочем, это уж точно было не дело Элино́р, и она предпочитала держать свое мнение при себе.

За эту семью Элино́р намерена была ухватиться цепко, ведь на прежних местах работы она недолго задерживалась, и это могло создать ей не лучшую репутацию и проблемы в будущем. Хватало уже и того, что пришлось скрывать некоторые подробности своего прошлого. Какие бы мелкие недостатки ни могли сыскаться у Гамильтонов, они ни в какое сравнение не шли с тем, что мистер Суонси, первый работодатель Элино́р, делал ей самые непристойные предложения, притом – в присутствии миссис Суонси, которая и бровью не вела. У Суонси было трое крикливых детей, две беременные горничные, и жили они в глуши. Попробуешь позвать на помощь – никто тебя не услышит. Элино́р продержалась

у них не больше трех месяцев. Потом был мистер Гарднер, который в объявлении называл себя «почтенным вдовцом с двумя прелестными малышами», а оказался престарелым повесой со сворой охотничьих собак. И, наконец, Эллисоны, которые вполне устраивали бы Элинор, если бы не урезали ее жалование за малейшую провинность, да просто за косой взгляд. Нет, Гамильтоны были ее счастливым билетом, настоящей удачей в жизни. Да и с Джеймсом она легко поладила.

Мальчик был при всей непоседливости славный и удивительным образом походил на отца. Пусть не внешне, он скорее унаследовал миловидное круглое лицо и румяные щечки своей матери. Но по характеру Джеймс был вылитый мистер Гамильтон: обаятельный и способный растопить женское сердце с первого взгляда. Когда они гуляли по парку, не проходило и пяти минут, как вокруг собиралась толпа матрон, чтобы поахать и угостить юного мистера Джеймса леденцом или пакетиком орехов. Мальчик принимал это внимание как должное, а Элинор, хоть и понимала, что должна привить ему хорошие манеры и научить пристойному поведению, сама не могла сопротивляться.

Совершенно не могла сопротивляться.

Элинор стянула перчатку, она терпеть не могла прикосновение скользкой ткани, и смахнула с ресниц набежавшие слезы.

– Вам как обычно, мисс Кармайл?

Элино́р растеряно огляну́лась, не сразу сообразив, где же находится. Ах, все верно. Булочная. Сегодня утром она встала, позавтракала и пошла привычным маршрутом, и ноги сами вынесли ее к булочной на углу. Здесь они с Джеймсом всегда покупали немного хлеба, чтобы накормить птиц в парке.

– Д-Да, Джимми, – выдавила Элино́р, натягивая перчатку.

Расплатившись за булочки, она поспешила покинуть магазин, но в парк не пошла. Заставив себя развернуться, Элино́р направилась в противоположную сторону. Прижимая к себе пакет с покупками, она шла и шла, раскланиваясь со старыми знакомыми, с соседями, с няньками, гувернантками и горничными, что служили в этом квартале, и старательно делала вид, что в доме мистера Гамильтона ничего необычного не происходит.

Когда миссис Гамильтон ушла в первый раз, Элино́р была напугана и шокирована. И еще больше шокировало ее поведение обычно такого любезного и заботливого мистера Гамильтона: он не был ни удивлен, ни встревожен. И, как оказалось, не зря. Спустя полдня принесли телеграмму, в которой миссис Гамильтон сообщила, что «прекрасно обосновалась в пансионе, погода отличная, и вода здесь поистине целебная». Она вернется, как только почувствует себя лучше. А потом это повторилось еще и еще раз. Мистер Гамильтон лишь кивал и покорно оплачивал счета своей жены.

Постепенно в сердце Элино́р прокралась жалость. Мистер

Гамильтон не делал ничего способного обидеть жену, он был сама предупредительность, сама заботливость, и тем не менее миссис Гамильтон раз за разом сбегала, точно рвущаяся из клетки птица. Среди слуг начинали уже ходить сплетни самого мерзкого характера, и Элинор, как могла, пресекала их. Ей, конечно, хотелось бы сделать больше. Элинор все бы отдала, только бы мистер Гамильтон... здесь Элинор всегда обрывала себя, не позволяя ни мечтать, ни загадывать. Велела себе мыслить разумно и рационально. Велела себе соблюдать правила приличия и не воображать лишнего. Это лишь в романах у благородных господ на чердаке живет сумасшедшая жена, а сердце его между тем отдано простой, скромной гувернантке. В реальной жизни давно уже нет чердаков, жене – нормальная она или безумная – вполне прилично уехать на воды, а гувернантке следует знать свое место. К тому же, признаться, в глубине души Элинор ненавидела романы, полные неестественных, в жизни не встречающихся характеров и ситуаций. У нее, в конце концов, есть своя работа.

Была.

В последний раз, уйдя – следует говорить «сбежав»? – из дома, миссис Гамильтон забрала с собой Джеймса. Телеграммы, вопреки обыкновению, получено не было.

Напряжение все копилось, копилось, и днями вдруг Элинор начало мерещиться невесть что. Взять хотя бы тот странный след в гардеробной! Будь жива тетушка Эмилия, она

непременно сказала бы, что миссис Гамильтон и Джеймса похитили феи. В какую-то минуту Элиноর и сама почти поверила в подобную ерунду. Обстановка к тому располагала: коридор в полумраке, открытая дверь в спальню хозяйки – горничных в доме мистера Гамильтона не помешало бы хорошенько отругать за такую беспечность и за вечные сквозняки, что вызывали эти незакрытые двери. В самой комнате сладкий запах духов, зловещий скрип дверцы гардеробной и странный след. Воображение Элинор сыграло не в первый раз против нее, и она, перепугавшись, бросилась к мистеру Гамильтону, чтобы рассказать о следе. В точности как тетя Эмилия в худшие ее дни. Голова тетушки была полна подобных идей, полна теней и призраков, и Элинор так и не сумела разобраться, верила ли та хотя бы во что-то, или все это было только ради рекламы.

Часы на перекрестке пробили полдень, и Элинор поняла, что безнадежно опоздала. Давным-давно она должна была прийти домой с прогулки. Пусть Джеймса сейчас нет, но он ведь может вернуться в любой момент. Элинор хотела в это верить.

Едва не выронив пакет с булочками, она поспешно развернулась, подобрала подол юбки и пошла так быстро, как только позволяли приличия. Пришлось задержаться на перекрестке, пропуская несколько экипажей, а затем, конечно же, развязался шнурок на левом ботинке. Элинор терпеть не могла тратить время на застегивание пуговичек, выбирала

простую, удобную обувь, но за это приходилось платить такими вот мелкими неприятностями. Пришлось присесть, хотя выглядело это не слишком изящно и не очень прилично, и завязать шнурки. Выпрямившись, Элино́р вновь прижала пакет с булочками к груди (ну что с ними теперь делать? Надо было все же скормить птицам!) и собралась уже пересечь улицу. И замерла.

Шагах в десяти от нее, возле фонаря, стоял мужчина, высокий, красивый, прилично одетый – совершенно определенно джентльмен. Он поигрывал часами на цепочке, не сводя глаз с дома Гамильтонов. Лицо его, волосы с легкой седinou показались Элино́р смутно знакомыми, но она никак не могла уловить, где же видела этого человека. А еще – иррационально, совершенно бессмысленно – он показался ей зловещим. Да и то правда, зачем бы приличному человеку сверлить взглядом чужой дом? Кто он? Филер? Журналист? Появилась шальная мысль, что нужно подойти к нему и спросить, но Элино́р себя одернула. Это невозможно, это неприлично, и, в конце концов, на это у нее не хватит духу. Значит, решила она, нужно рассказать мистеру Гамильтону. Может быть, это его старый приятель. А может, человек, злоумышляющий что-то против семьи.

Тут Элино́р вновь одернула себя. Так можно до любой ерунды додуматься, и в воображении, достаточно богатым, этот загадочный джентльмен станет любовником миссис Гамильтон или ее похитителем.

Перейдя дорогу, Элино́р обернулась, намереваясь хорошенько рассмотреть и запомнить джентльмена, но под фонарем уже никого не было.

Мистера Гамильтона дома не оказалось, а делиться с кем-либо еще своими подозрениями Элино́р не хотелось. Не зная, как поступить, она какое-то время переходила из комнаты в комнату, пытаясь создать хотя бы видимость работы, но все было бесполезно. Заняться ей было нечем. Дружбы с прочими обитателями дома она не завела. Горничные менялись слишком быстро и были к тому же в большинстве своем глупыми и необразованными девушками, на уме у которых лишь наряды и ухажеры самого низкого качества. С кухаркой можно было поговорить разве что о суфле и пудингах, но готовила Элино́р скверно. Что касается экономки, миссис Симпсон, то к ней и подступиться было страшно. Эта властная, во всех смыслах монументальная женщина порой казалась хозяйкой в доме больше, чем миссис Гамильтон. Элино́р ее побаивалась.

Редко чувствуя себя одинокой, сегодня Элино́р вдруг ощутила пустоту, а еще – собственную ненужность. Зачем она, гувернантка, в доме, где нет ребенка?

Желая принести пользу хотя бы в малости, Элино́р села в нижней гостиной, окна которой выходили на улицу. Если незнакомцу опять вздумается следить за домом, можно будет увидеть его и приглядеть в ответ. Чтобы как-то занять

себя, Элинор взяла со столика «Oeil de sortilège»¹ – оккультизм был в числе последних увлечений миссис Гамильтон – но не сумела осилить и двух страниц. Мысли ее витали слишком далеко, да и к тому же перескакивали с предмета на предмет. Элинор и сама не заметила, как задремала, и мысли превратились, должно быть благодаря статье в журнале, в причудливые грезы. Она преследовала кого-то во снах, оседлав невиданное тонконогое чудовище, одновременно похожее и на жирафа, и на стрекозу благодаря почти прозрачным слюдяным крыльям. Темнота, сквозь которую Элинор летела во сне, стремясь к единственному пятну света, наполнилась звуками, далеким гудением, шорохом и стрекотом жестких крылышек каких-то насекомых, пугающим и в то же время манящим.

Этот звук и разбудил ее, наяву оказавшись настойчивым стуком в дверь.

Было уже темно, и, бросив взгляд на изящные часы на каминной полке, Элинор обнаружила, что уже почти полночь. Элинор тряхнула головой, потерла виски, пытаясь прийти в себя. От сна в неудобной позе затекло все тело и ломило шею, которую никак не удавалось размять. Никогда прежде такого не случалось, и сейчас, сидя в темноте, Элинор ощущала некоторую неловкость. От нее и так-то немного было пользы в последние дни, а теперь еще нерадивую гувернантку на полдня сморил сон в гостиной! Горничные, еще более

¹ «Oeil de sortilege» (франц.) – “Колдовское око”.

нерадивые, не потрудились зажечь лампы, и единственный свет, что проникал в комнату, давали уличные фонари. Их желтизну приглушали наползающий туман и густая листва под окнами, и в гостиной было очень темно. Лишь смутно проступали из темноты очертания мебели.

Элинор поднялась и осторожно, держась за мебель, дошла до двери. В коридоре лампы были приглушены, в холле горела только половина рожков в люстре, и в целом дом казался если не вымершим, то затаившимся. Горничные не торопились открыть дверь, в которую все настойчивее стучали. Элинор замешкалась ненадолго, а потом пошла к двери, надеясь, что за ней окажется миссис Гамильтон, держащая Джеймса за руку. Мальчик, конечно же, будет растрепанный, весь перемазанный шоколадом и в криво застегнутой курточке, но – живой, здоровый и совершенно счастливый пережитыми приключениями.

Элинор сдвинула засов и открыла дверь. На пороге стоял незнакомец, весь в черном с головы до ног, и тонкие белые полосы воротника и манжет лишь оттеняли антрацитовую черноту его щегольского костюма. Лицо у него было бледное, и черные очки на носу выглядели зловеще. В руках, также бледных и показавшихся Элинор костлявыми руками мертвеца, мужчина держал трость из черного дерева с причудливым набалдашником. Вид незнакомца напугал Элинор, она попыталась закрыть дверь, но мужчина, выставив трость вперед, не позволил ей это сделать.

– Скажите Грегори, что прибыл его брат.

Элино́р впервые слышала, чтобы у мистера Гамильтона был брат. Впрочем, можно было, пожалуй, уловить некоторое сходство, да только мужчины все равно различались, как день и ночь. Мистер Гамильтон излучал добро и тепло, тогда как от этого зловещего гостя веяло моги́льным холо́дом. Он сделал пару шагов, бесцеремонно отодвинув Элино́р, и огляделся. Глаза оставались скрыты за черными стеклами, и это рождало смутную тревогу.

– Ну же, барышня, доложите обо мне Грегори! – поторопил мужчина, продолжая оглядываться. Чтобы придать вес своим словам, он пару раз ударил тростью по полу. – Поспешите!

Не следовало пускать этого мужчину, но теперь уже ничего нельзя было исправить. Элино́р поджала губы, подобрала юбку и отправилась на поиски мистера Гамильтона, досадуя, что приходится оставлять незваного гостя одного в холле. Впрочем, следующая мысль, что черный незнакомец может что-нибудь украсть, показалась Элино́р донельзя нелепой. Но как знать, что он может сделать? Элино́р хотелось послать кого-нибудь приглядеть за «братом», но слуги куда-то подевались, точно попрятались.

Мистер Гамильтон нашелся в своем кабинете, там, где и проводил большую часть времени с момента исчезновения супруги. Он сидел в кресле возле камина, держал в руках книгу, но написанное там едва ли интересовало его. Мистер

Гамильтон бездумно глядел на огонь и лишь перелистывал механически страницы. Элинор постучала, потом кашлянула, пытаясь привлечь внимание, и наконец позвала:

– Мистер Гамильтон! Мистер Гамильтон!

Он очнулся, тряхнул головой и, обернувшись через плечо, поглядел на нее недовольно. Элинор смутилась и поспешила сделать неуклюжий реверанс.

– Простите, что побеспокоила, сэр, но там пришел человек. Он утверждает, что он ваш брат...

– Брат?.. – мистер Гамильтон нахмурился, потом по губам его скользнула слабая улыбка. Подскочив с кресла, он уронил с колен книгу и даже не обратил на это внимание. – Где он, мисс Кармайкл?

– В холле...

Мистер Гамильтон отодвинул ее в сторону, совсем как «брат» парой минут назад, и бросился бегом к лестнице. Половицы отчаянно скрипели под его ногами, нарушая мертвую тишину дома. Элинор только услышала напоследок:

– Почему так темно?! Куда все подевались?!

Подкрутив лампы в коридоре, чтобы они давали больше света, Элинор пошла к лестнице, желая убедиться, что впустила в дом действительно брата мистера Гамильтона, а не грабителя или убийцу. Перегнувшись через парапет, онаглянула вниз. Мистер Гамильтон замер, не выпуская из рук перила. Его «брат» так и стоял посреди холла, оглядываясь. Потом он снял очки – без них сходство с мистером Гамильто-

ном стало куда больше – и изогнул губы в жутковатой улыбке.

– Грегори.

– Дамиан.

Мужчины застыли друг против друга, неподвижно, и это мало походило на встречу двух родственников. В воздухе висело напряжение, от которого мурашки бежали по коже. А потом они оба очень похожим движением вскинули головы и посмотрели вверх, на лестничную площадку, где стояла, вцепившись в перила, Элино́р. По коже пробежал холодок, а еще она почувствовала себя лишней. Быстро присев в реверансе – мисс Гайер, преподававшая в Колледже Святой Маргариты хорошие манеры, называла книксен лучшим способом для девицы развеять неловкость, – Элино́р поспешила в свою комнату.

Глава третья

Свет газовой люстры резал глаза. Хотелось малодушно укрыться за давно ставшими привычными темными очками, но Дамиан заставил себя прямо смотреть на брата. Грегори ничуть не изменился. Он был в точности, как Дамиан помнил. Стоял, чуть поджав губы, вздернув упрямо подбородок, спрятав руки за спиной – чтобы не видно было сжатые кулаки. Таким Грегори был десять лет назад, и двадцать лет – тоже. О чем говорить, он, кажется, не знал, а Дамиан, в свою очередь, не собирался первый начинать разговор, хотя его и

глодало любопытство.

За последние двадцать лет они не перекинулись и дюжиной слов. Целая жизнь была проведена вдали друг от друга, в обиженном молчании, и сейчас нелегко было заговорить снова. В таких случаях начинают обычно с ничего не значащих слов.

– Ты приехал, – сказал Грегори.

Дамиан ухмыльнулся. Он поставил трость на подставку, бросил шляпу на столик, рядом положил очки. Держался уверенно, старался придать своим движениям вальяжную леность, хотя, пожалуй, идти сейчас без трости ему было бы нелегко. Продолжая изображать ту же уверенность и леность, Дамиан облокотился на небольшую мраморную консоль.

– Ты позвал. Мне стало любопытно. Ты сказал, тебе нужна моя помощь.

Грегори досадливо поморщился. Он, должно быть, не единожды уже пожалел, что послал то сообщение. Но менять что-либо было поздно. Сам способ – капли крови и слова, отпущенные с ветром, – говорил, что дело срочное и... необычное. С проблемами обыденными, простыми, тривиальными Грегори справился бы сам или же прибег бы к помощи полиции, докторов, юристов. Ему, однако, для чего-то потребовался брат.

– Лаура пропала, – неохотно сказал Грегори.

Дамиан вскинул брови.

– Вот как. Что ж, я тебя предупреждал. Вернее, – он поднял руку, видя, что брат собирается что-то сказать, – я мог бы тогда тебя предупредить, что Лаура – не лучший вариант. Но ты бы меня не послушался. Ты и нашу мать не послушался. Как по мне, эта женщина еще долго протянула. Десять лет, надо же! Не волнуйся, дорогой брат, ты найдешь себе кого-нибудь получше.

– Лаура забрала с собой нашего сына, – сухо сказал Грегори. – И проблема не в этом. Идем за мной.

Идти пришлось на третий этаж, в жилые помещения. Грегори легко взбежал по лестнице, а вот Дамиан, миновав два лестничных пролета, совсем выдохся. На площадке Дамиан остановился, переводя дух, и облокотился на парапет. На ум пришла миловидная девица, что открыла дверь. Всего несколько минут назад она стояла здесь и сверлила братьев Гамильтонов взглядом строгим и любопытным. Глаза у нее были какие-то странные...

– Что это за девица? – поднявшись к терпеливо дожидаящемуся его Грегори, поинтересовался Дамиан, оглядывая холл сверху. Люстра была совсем рядом, и ее тусклый, сероватый свет раздражал глаза, отчего перед ними плясали мошки. Из-за этого мерещилось всякое, и словно таилось что-то в тенях.

– Деви... А, мисс Кармайкл, гувернантка Джеймса, – отмахнулся Грегори. – Идем, тебе нужно взглянуть на это.

Дамиан кивнул и пошел за братом по коридору, освещен-

ному тем же серо-голубым газовым светом. Пламя в лампах подрагивало под неровным напором, и по стенам скользили причудливые тени. В них угадывалось что-то дурное, темное. Словно бы в доме жило нечто опасное, недоброе, и сейчас оно приглядывалось к новичку. Грегори ничего этого не замечал, но он и в детстве обладал выборочным зрением и предпочитал игнорировать все неудобное. Дамиан не мог себе позволить такую роскошь. Задержавшись на пару мгновений, он нарисовал ногтем на вычурных зеленых обоях несколько знаков, которые давно хотел испробовать. Тени отступили, дышать стало легче.

– Это здесь, – сказал ничего не замечающий Грегори.

Комната, несомненно, принадлежала женщине, и притом – совершенно лишенной вкуса. С сорочьей настойчивостью она сносила в свое убежище все, что ей казалось красивым, и в результате спальня напоминала дешевую мелочную лавку, где уродливая статуэтка танцовщицы соседствует с изящной вазой французского стекла.

– Чудовищно, – прокомментировал Дамиан, оглядываясь.

Что-то в этой комнате смущало его, но уловить причину никак не удавалось. Возможно, с толку сбивали все эти бессмысленные безделушки. Дамиана вообще легко сбивали с толку женщины, сочетающие в себе нарочитую хрупкость, расчетливость и притом, как правило, глупость. Исключение составляли ведьмы, с ними иногда удавалось поладить. Но хоть в домах ведьм и царил схожий беспорядок, все их «без-

делушки» все же имели особый смысл и практическое применение. А какой смысл у серебряных шкатулок, флакончиков и странных сооружений из ракушек и сухоцвета? В этой комнате быстро начинала болеть голова. Грегори, кажется, испытывал схожие чувства. Во всяком случае, двигался он неловко, точно боялся что-то разбить, испортить, да просто сдвинуть с места, нарушив особенный женский порядок.

Успешно добравшись до двери в дальнем конце комнаты, Грегори отпер ее, распахнул и поманил Дамиана.

– Это здесь. Взгляни.

Борясь со слабостью и головокружением, Дамиан добрался до двери и заглянул внутрь. Гардеробная, полная ярких нарядов, дамских безделиц, шляпных коробок и вещей, на которые мужчине постороннему смотреть не положено.

– Пол, – подсказал нетерпеливо Грегори.

Дамиан опустил взгляд. Потом медленно, цепляясь за косяк, опустился сам, сел, скрестив ноги, и подпер щеку рукой.

– Ты поэтому позвал меня?

– Я пытался связаться с матерью, – неохотно отозвался Грегори. – Но она уехала. МакБрайд не знает, куда.

– Катриона положила жизнь на бесплодные попытки вернуть меня, так или иначе, тем или иным способом, – пожал плечами Дамиан. Кончиками пальцев он провел по краю следа, ощущая странный, противоестественный жар. – Вероятно, она и сейчас занята тем же самым и может оказаться... хоть в Китае, хоть на Аляске. Когда это появилось?

– Понятия не имею, честно говоря. Горничная утверждает, что в день исчезновения Лауры оно уже было. Она считает, что кто-то опрокинул тут грелку.

– Грелку? – Дамиан, пусть это и было сейчас неуместно, рассмеялся под мрачным, неодобрительным взглядом брата. – Это такая здоровенная медная сковорода на длинной ручке?

– Бетси ничего странного в этом следе не увидела, – показывал головой Грегори. – Ни она, ни Сьюзан, ни кто-либо еще. Поэтому мне и понадобилась твоя помощь. Это не просто след от углей, оставленный нерадивой горничной.

– Это не просто след от углей, – согласился Дамиан, ведя пальцами по контуру ожога. Паркет был сложен из отличного качества дубовых досок, а древесина эта, помимо твердости и надежности, обладает еще одним свойством: она не примет чужеродное колдовство. На ней не так-то просто оставить свой след. – Кто обратил на это твое внимание? Только не говори, что сам бросился проверять женину гардеробную: вдруг она в шкафу спряталась!

В ответ на эту колкость Грегори нахмурился и ответил неохотно:

– Гувернантка, мисс Кармайкл.

– Эта серая мышка? – Дамиан удивленно вскинул брови, припоминая. Статная, стройная, с прямой, как палка, спиной – это отличает, кажется, всех гувернанток на свете. Равно как и скучное коричневое платье с белыми манжетами,

практичная обувь и учительский пучок, от одного взгляда на который начинает ломить виски. Вот только глаза у этой серой мышки были необычные, светло-карие, цепкие и, как сейчас понял Дамиан, с золотистыми искрами. Такие, пожалуй, видят больше обычного, и мышку следует допросить хорошенько. – Расскажи мне все по порядку.

Рассказ, ради которого пришлось подниматься с пола и спускаться на этаж вниз, в кабинет Грегори, вышел долгий и сбивчивый. Дамиан устроился в кресле у растопленного камина – он всегда любил живое тепло, – закинул ногу на ногу, следя за тем, как брат подносит ко рту стакан виски, но, не отпив, вновь опускает. Такое в воспоминаниях Дамиана, тусклых, поблекших, точно плохая фотокарточка, проделывал с сигарой их отец, когда нервничал: то подносил ко рту, то убирал, то вновь закусывал желтыми зубами, но так и не зажигал. Ничего другого, кроме этой нелепой сцены с сигарой, на память не приходило.

Грегори рассказывал о своей жизни в последние десять лет, о Лауре, ее привычках и странностях, но Дамиан не прислушивался. Куда больше его интересовал сам дом. Он неплохо защищен, чувствуется рука Катрионы. Да и личная защита Грегори действует исправно: фамильный перстень мерцает знакомым теплым живым светом. Тени, увиденные в коридоре, не опаснее мошкары или крыс в подвале, они есть везде. В конце концов, тени сопровождают Гамильтонов столетиями, к ним давно уже привыкли все в семье. Едва

ли эти слабые, едва различимые создания могли соблазнить или похитить полную жизни молодую женщину. В Лауре, насколько понял из сбивчивого рассказа брата Дамиан, не было ничего, способного их привлечь. Несмотря на страшные месяцы в замке, Лаура оставалась полной жизни, и странно-сти у нее были неопасные. Любому нужно порой вырваться на волю.

– Ты слушаешь меня?! – раздраженно воскликнул Грегори, оборвав рассказ на полуслове.

Дамиан отвел взгляд от языков огня.

– Это Силы.

Грегори фыркнул.

– Ты имеешь в виду те страшные истории, которыми в детстве мать заставляла нас держаться подальше от холмов? Мы с тобой прекрасно знаем, что это – выдумки.

Дамиан покачал головой.

– Мы предполагаем, что это выдумки, Грегори. Ни ты, ни тем более я не залезали в холмы достаточно далеко, и, признаться... потом я так и не рискнул проникнуть внутрь. В любом случае Силы – выдумка не большая, чем феи или, скажем, Дьявол.

– Я не верю ни в то, ни в другое, – покачал головой Грегори.

– Твоя воля. – Дамиан пожал бы плечами, если бы не был так утомлен дорогой и этим разговором – и тем, что ощущалось в воздухе. Тревожно было. – Силы, хочешь ты того или

нет, не выдумка.

– Как там говорила наша матушка? – Грегори криво ухмыльнулся. – Нечто неодушевленное, но вполне разумное?

– *Genius loci*, – кивнул Дамиан. – *Nullus enim locus sine genio est*². Я столкнулся с чем-то похожим пару лет назад в Алжире. Я оказался там по просьбе одного приятеля и участвовал в поисках пятерых человек. Все они исчезли бесследно из запертой тюремной камеры, лишь на полу остались похожие следы. Поиски по всему Бону и окрестностям мало к чему привели. Найден был лишь один из пропавших, и в не самом лучшем состоянии. И все, что он мог сказать, – его товарищей забрали «особыми путями» некие Силы.

Тут Грегори промолчал, но скептическое, с ноткой презрения выражение его лица говорило само за себя.

– Да, – согласился Дамиан. – Это всего лишь удобное слово, подходящий термин. С тем же успехом он мог бы сказать, что его товарищей похитили джинны. И все же я уверен: его «Силы» и то, что этим словом называла наша мать, – это одно и то же. Меня озадачивает, даже пугает другое: как они могли пробраться сюда? Твой дом – не алжирская тюрьма, он хорошо защищен. Катриона навевывалась неоднократно, как я вижу.

Грегори удивительно знакомым образом прикусил губу. Так он всегда делал в детстве, стараясь сдержать раздраже-

² «Ибонет места без духа» – комментарий грамматика Сервия к строкам «Энеиды» Вергилия.

ние. Грегори всегда славился своей уравновешенностью. Дамиан – тем, что с легкостью выводил брата из себя, чего не удавалось больше никому в замке. Впрочем, обычно хватало улыбки, чтобы уладить конфликт.

Сегодня улыбка не помогла. Дамиан прекрасно отдавал себе отчет: сегодня улыбка у него выходит кривая, недобрая, больше похожая на оскал или гримасу боли.

– Вот, что мы сделаем, Грегори. Я внимательно изучу дом, и в особенности – комнату Лауры, и завтра дам тебе ответ. Проводи меня наверх.

На этот раз дорога в комнату Лауры заняла, кажется, вдвое больше времени. Дамиан старался скрыть накатывающую приливными волнами слабость, делая вид, что заинтересован тенями в углах коридора, гравюрами на стенах – достаточно паршивыми, оставленными тут и там безделушками. Пару раз он сострил по поводу вкуса брата и его жены, пару раз посетовал на нерадивую прислугу, оставляющую неубранной пыль. Было уже почти три часа утра, когда они, наконец, добрались до спальни Лауры. Тут Грегори замешкался.

– Я останусь тут, – твердо сказал Дамиан. – Один. До завтрашнего вечера. Завтра я расскажу тебе все, что сумел узнать. А сейчас, брат, пожалуйста, оставь меня.

Не оглядываясь более на Грегори, Дамиан шагнул в комнату и осторожно прикрыл за собой дверь. На медный ключ, торчащий из замка, подвешена была легкомысленная блед-

но-желтая кисточка, и она отчего-то раздражала, нервировала, вызывала желание оторвать ее и выкинуть. Этот мертвенный оттенок желтого Дамиану никогда не нравился. Повернув ключ, Дамиан вытащил его и бросил в ящик дамского столика в кучу мелких вещей, назначение доброй половины которых было ему неизвестно.

Обстановка женской спальни подавляла его. Что за человек была Лаура? Почему окружала себя таким количеством ненужных вещей? Что пыталась спрятать за всеми этими блестящими безделушками? Или же и в самом деле была такой глупой пустышкой и искренне любила эти ленты, перья, безвкусные фарфоровые статуэтки и серебряные коробочки?

Дамиан огляделся внимательнее, но осмотр комнаты ничего ему не дал. Украшения, дамские вещицы вроде миниатюрного бронзового зеркала, отделанного эмалями, или хрустальных флаконов с золотыми крышечками; яркая дорогая одежда – Грегори не скупился на капризы своей жены. Полдюжины книг, все сплошь дешевые слезливые романы. Чуть особняком забытый на подоконнике журнал, «Oeil de sortilege», достаточно авторитетное и потому не известное широкой публике издание, посвященное оккультизму. Дамиан пролистал его, просматривая статьи, но ничего примечательного не нашел. Этот выпуск был ему знаком, почти полностью посвящен египетским древностям, но едва ли мумии, ветхие папирусы и мистические тайны герметиков

имели какое-то отношение к исчезновению Лауры и его племянника. Единственной любопытной вещью была заложенная между страниц листовка Спиритуалистического Братства, одного из множества мистических обществ, выросших в последние годы, точно плесень на корке отсыревшего хлеба. Дамиан сделал себе пометку: расспросить Грегори, как давно у Лауры появился интерес к оккультизму и что связывало ее со Спиритуалистами. Впрочем, Дамиан не сомневался, что это Братство – точно такие же шарлатаны, как и все им подобные. В мире не так-то много настоящих медиумов, магнетизеров и магов, и те, кто владеет подобными силами, предпочитают держаться особняком и не связываться с подобными обществами. Это так же постыдно, как и выступать в ярмарочном балагане.

Впрочем, интерес Лауры сам по себе говорил о многом.

Дамиан закрыл журнал, потом задернул тяжелые шторы, отсекая нездоровый желтый свет уличных фонарей. Снял сюртук, морщась от боли в мышцах. Послание Грегори застало его в окрестностях Манда³, и пришлось срочно собираться, чтобы отбыть в Англию. Путешествие не заняло много времени – как отшучивался Дамиан, «*die Todten reiten schnell*»⁴, – зато пожрало все накопленные за год силы.

³ Манд – город в Лангедоке, сейчас коммуна и префектура департамента Лозер региона Окситания. Поселение существует со II века до н. э.

⁴ *Die Todten reiten schnell* (нем.) – «мертвец скачет быстро». Строка из поэмы Готфрида Бюргера «Ленора». В классическом русском переводе В. Жуковского она звучит как «гладка дорога мертвецам».

Ослабив шейный платок, Дамиан погасил лампы, постоял немного, наслаждаясь сумраком, в котором глаза его видели значительно лучше, чем в неверном газовом свете, и наконец лег поверх покрывала, разглядывая потолок. Слуги в доме Грегори не отличались расторопностью, коль скоро ему открыла не одна из горничных, а гувернантка, которой это делать не положено. Не отличались они и старательностью, об этом говорили пыль в завитках резьбы и тенета под потолком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.